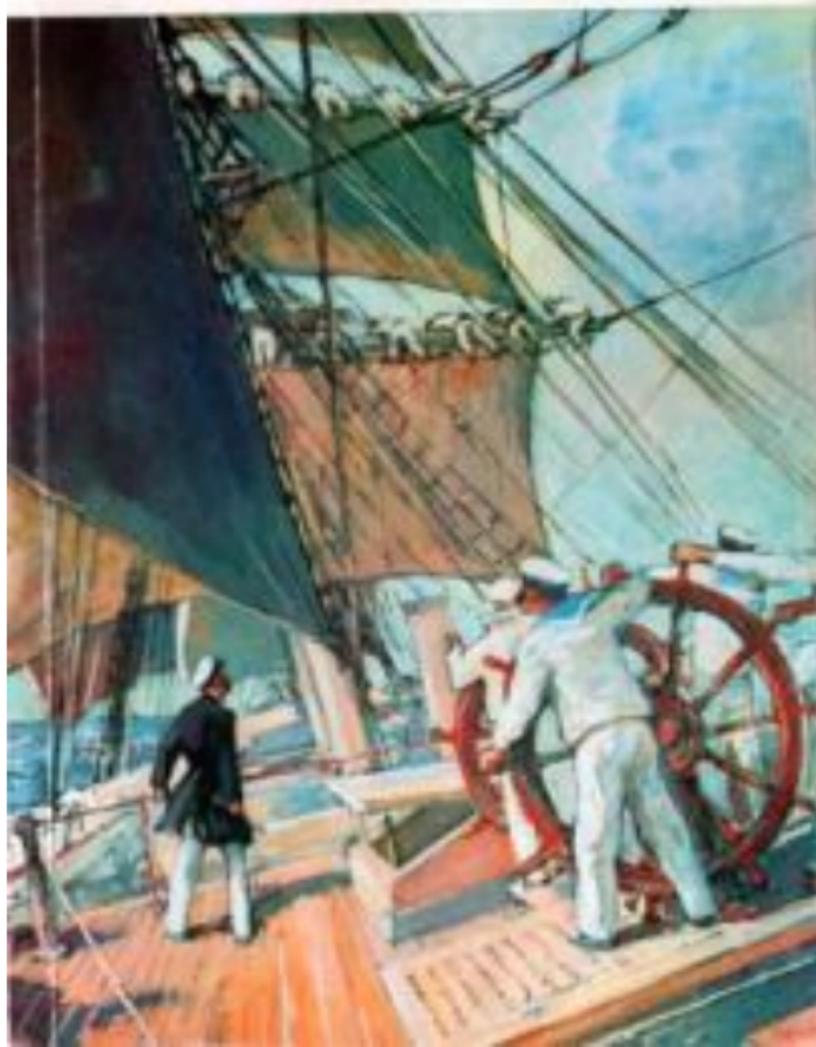

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

К.М.Станюкович. «Морские рассказы» //Издательство «Художественная литература», Москва, 1986
FB2: "Ustas ", 2006-06-30, version 1.0
UUID: F4EED196-315F-4202-B02F-6FF6639EB99A
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Отплата
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0013
III.....	.0019

**Константин Михайлович
Станюкович
Отплата
(Рассказ старого матроса)**

— Извольте знать, вашескобродие?
С этими словами старый отставной матрос Кирюшкин, с которым мы ранним августовским утром сидели на пеньках у опушки леса, разбирая только что собранные грибы, указал обрубленным указательным пальцем правой руки на старенького-престаренького отставного адмирала, ковылявшего, опираясь на палку, по дороге из Кронштадтской колонии в деревню Венки.

— Видать видал; он в колонии на даче живет; а не знаю! — ответил я.

— Это — Никандра Петрович Быстров. Слышали, конечно?

— Не слышал.

— Про Никандру Петровича не слышали, вашескобродие?! — изумленно спросил Кирюшкин.

— То-то не слышал.

— Довольно-таки диковинно, что не слышали. Сами изволили служить во флоте и не знаете Никандры Петровича!

И, словно бы недовольный, что я не знаю

Никандра Петровича, старый матрос пожал плечами, отчего дыра на его неопределенного цвета ветхом легоньком пальтеце обозначилась яснее, и покачал головой, на которой была матросская фуражка, тоже давно потерявшая свой прежний черный цвет и сделавшаяся рыжеватой. Сбитая на затылок, она оставляла открытым морщинистый пожелтевший лоб и часть белой головы.

— Чем же замечателен ваш Никандр Петрович?

— Очень даже замечателен, если угодно знать. Всякий старый матрос хорошо его помнит. Теперь, конечно, ежели по чести разобратить, что в нем? Одни, с позволения сказать, заваливающие кости да шкура. Высох Никандра Петрович, вроде будто египетской муми... Вылез вот на солнышко, словно ящер из-под камня, у смерти отсрочки просит... Ему ведь, вашескобродие, что и мне, к девятому десятку подходит, и давно нам с ним на том свете паек идет. Пожалуйте, мол, такие-сякие, на разделку. И ты, ваше присходительство Никандра Петрович! И ты, отставной матрос первой статьи, бродяжка и пьяница, Андрейка Ки-

рюшкин!.. Вот теперь что... А прежде, этак лет сорок тому назад, Никандра Петрович на весь балтинский флот гремел...

— Чем же?

— Боем и шлифовкой. Первый по зверству капитан был! — не без некоторой торжественности произнес старик.

Признаюсь, я никак не ожидал, что речь будет о такого рода знаменитости. Удивило меня еще и то, что Кирюшкин, не жалевший обыкновенно довольно энергичных эпитетов при воспоминаниях о некоторых командирах, с которыми служил и которые далеко не гремели на весь флот, подобно Никандру Петровичу, говорил об этом последнем без порицания.

Напротив, в тоне старческого, разбитого голоса Кирюшкина звучали как бы почтение и любовь к человеку, даже прославившемуся боем и «шлифовкой».

— Ну, Дмитрич, немного же замечательно-го в Никандре Петровиче!

— То-то очень даже много, вашескобродие...

— В том, что шлифовал?..

— Вы прежде извольте дослушать, тогда и спорьте, вашескобродие... В том и диковина, что этот самый Никандра Петрович сделался совсем другим, самым жалостливым, можно сказать, командиром.

— Ну?! — недоверчиво протянул я.

— Ни — не ну, а на моих глазах все это было. Когда я с им на «Дромахе» [1] на конверте в дальнюю ходил.

— Как же это случилось?

— Один матросик его выправил.

— Выправил? Расскажите, Дмитрич. Это любопытно.

— Еще бы не любопытно... Бывает, значит, с людьми это самое! — раздумчиво промолвил старик матрос.

— Редко только, Дмитрич.

— Редко, а бывает. Человек, примерно, и бога забыл, и совесть забыл, а придет такой час, и вдруг вроде будто все по-новому обернулось... А я так полагаю, по своему рассудку, вашескобродие, что всякому человеку, самому последнему, дадена совесть... Только не всегда такой случай выйдет, что она проснется и зазрит человека. Как об этом в науках пи-

шут, вашескобродие?

— Пишут, что трудное это дело — перемениться в известные годы...

— То-то трудное, а Никандра Петрович во-все переменялся, — дай бог ему легко смерть принять. Я по себе знаю, какое это трудное дело, примерно, от водки отстать. Прямо-таки нету сил моего карахтера. Помните, вашескобродие, еще когда мы с вами на «Коршуне» взаграницу ходили, я был, можно сказать, как есть отчаянный пьяница?

— Как не помнить...

— И если миловали меня за пропой казенных вещей, то потому, что командир «Коршуна» прямо-таки добреющий человек был и почитал во мне хорошего марсового... Небось был марсовым, вашескобродие! — не без удовлетворенного чувства вспомнил старик.

Действительно, Кирюшкин был лучшим матросом на «Коршуне», отличался необыкновенной смелостью и притом был на редкость добрый человек, общительного и веселого характера, пользующийся общей любовью команды. И если б не его слабость напиваться мертвецки на берегу, пропивая все,

что на нем бывало, то, конечно, он на службе был бы унтер-офицером и не был бы под конец жизни бездомным пьянчужкой, с трудом зарабатывавшим в Кронштадте на свое пропитание... По зимам он ходил в факельщиках, а летом занимался грибами.

Это лето, когда мы встретились после тридцати лет, Кирюшкин гостил у меня на даче, поселившись в сарае для дров. Трезвый, он доставлял всем большое удовольствие своими рассказами и необыкновенно уживчивым и деликатным характером. Его все любили, и кухарка с особенным гостеприимством угаживала Дмитрича.

Когда же он собирался отправиться в «дальнюю», как называл он свои запои, то деликатно исчезал, объясняя, что ему нужно по делам в Кронштадт, и возвращался через неделю, а то и две, в невозможном костюме, вроде того, какой был на нем в это утро, и несколько сконфуженный, что пропил старые пиджак и штаны, подаренные ему мной.

— И давал я тогда, вашескобродие, зарок капитану за евойную доброту — не пить... и вышел перед ним подлецом. Лупцевали меня

раньше за это самое — я еще пуще пьянствовал. Вышел в отставку, к докторам ходил... «Так, мол, и так... Выпользуйте от пьянства...» Отреклись. Дивились только, как это я — такой старик, а живу с пьяными нутренностями... А по какой такой причине я не имею сил характера? Вот тут-то и загвоздка! А формарсового Егорушкина помните, вашескобродие?

— Помню.

— Тоже был, можно сказать, во всей форме пьяница, а как вышел в отставку — в рот не берет. Случай такой вышел...

— Какой?..

— Баба, вашескобродие... Есть такие бабы, что вовсе умеют оболванить мужчин... Так Егорушкин, как вернулся из дальней, и встретился с такой... Замуж запросил... А она: «Брось, говорит, пить, пойду». А не то поворот «оверштаг»! Она вдовья матроска была и слышала, как к повороту командуют. Ну, и как есть оболванила. Бросил пить из-за этой самой бабы... А и баба, если на совесть сказать, прямо-таки жидкая вовсе была, вашескобродие! Глаза только одни... А вот поди ж ты! Таковую власть взяла над Егорушкиным, что он

пить перестал... А ведь пил-то как раньше! Значит, ему случай вышел такой, а мне не вышло... Так вот и с Никандрой Петровичем.

— Так вы расскажите, Дмитрич, про вашего Никандра Петровича.

— Сейчас. Дозвольте только сигарку сделать, вашескобродие.

— Папироску не хотите ли, Дмитрич?

— Не занимаюсь ими. Я по-старинному, махорку курю.

Кирюшкин достал из кармана тряпицу с крошеной махоркой и обрывок газетной бумаги. Свернув слегка дрожавшими от пьянства руками сигарку, он закурил ее и, с наслаждением затянувшись, проговорил:

— Нет табаку лучше махорки, вашескобродие. И кашлю ослабку дает, и мокроту гонит.

И, откашлявшись, начал.

— Был Никандра Петрович во всем своем форце, когда перед Крымской войной назначили его командиром «Дромахи». Конверт был только что отстроен и назначен в дальнюю, и Никандру Петровича изо всех других выбрали, как самого что ни на есть исправного капитана... Дока он был на флотской службе, это надо правду сказать... И отчаянности в нем было много... Как есть был форменный капитан... смелый... Во флоте знали его отчаянность, еще когда он бригам «Скорым» командовал. Бывало, на других судах два рифа у марселей возьмут, а он дует себе на бриге без рифов... Знал, когда, значит, до точки дойти, не утопивши себя и людей. Ну и матросы были у него, вроде будто чертей... Он их тоже довел до отчаянности, потому что пощады не давал. Чуть что... заминка какая... меньше ста линьков не назначал... Такая у него была плепорция... А насчет бою, так это не в счет... Чистил... Почитай, ни одного матроса у него не было, чтобы, послуживши у него, остался с целыми зубами. Са-

мый форменный мордобой был... Вы-то, ваше-скобродие, этого мордобойства уж не застали, а я десять лет при таком положенье служил... Сами понимаете, отчего другой матрос до бесчувствия напивался... Теперь небось нет такого пьянства, как было... Потому — другое положенье... и люди другие.

Старик затынулся, сплюнул и продолжал:

— А было в те поры Никандре Петровичу лет около сорока... И был он из себя видный, плотный и глазастый... Румяный такой и блондинистый... И очень приверженный к женской команде... Не брезговал... была бы только баба товаристая, а звания ейного не разбирал. Женатым не был, а в ту пору у него жила будто горничной одна шельмоватая девка, из Петербурга привезенная... Шлющая такая... Аленкой звали... Бегала она на конверт, когда мы в гавани вооружались... Завтракать носила своему барину... Так вот, как назначили к нам этого самого Ястреба — его так матросики звали, — и мы поняли, какие такие настоящие ястребы бывают... Налетал, я вам доложу. Так налетал, что и обсказать невозможно... А как вышли в море, пошла на-

стоящая шлифовка... Не дай бог и вспомнить... Тьфу!

И Кирюшкин сплюнул.

— А вестовой у него — из наших «драмахинских» матросов — одно слово, словно бы в потемнение рассудка от страха вошел... Чувал он беду, как только Ястреб его в вестовые выбрал... Мы с Тепляковым земляки были... «Плохо, говорит, мое дело, Андрейка. Ястреб недаром меня в вестовые выбрал. Изничтожит он меня, попомни, говорит, мое слово... Потому зол он на меня». — «Что ты, говорю, мелешь. За что ему быть злым на тебя. Он тебя вовсе и не знает!» — «То-то, говорит, знает», — и сам с лица побелел.

И повинулся мне тогда Тепляков, что он к этой самой Аленке приверженность имел и тайком забегал к ей на кухню, когда ейного барина дома не было. И раз он их застал. Однако ни слова не сказал. Но с той поры Тепляков остерегался ходить... Аленка все-таки бегала к нему в казармы и с ним гуляла. И Никандра Петрович, должно быть, догадывался, но только все-таки Аленку держал... очень уж занозистая девка была... Огонь-девка... — «Я,

говорит, и своего Ястреба люблю, и матросика люблю... На всех меня хватит...»

— Что ж, Ястреб мстил Теплякову, что ли? — спросил я.

— А бог его знает, что в его душе было, а только он беднягу вестового почти что каждый день без всякого милосердия тиранил — то боем, то поркой... К каждой малости придирался... За все на нем сердце срывал. И до такой отчаянности его довел, что сам, должно быть, испугался, как бы матрос чего в потемнении ума не сделал! И этак месяцев через пять отчислил его от вестовых. И взаправду, пора было... а то Тепляков беспрерывно прикончил бы Никандру Петровича... Он, положим, терпеливый был, но все-таки норовистый. Есть такие, вашескобродие. Терпит-терпит до данного ему предела, а потом на всякую отчаянность пойдет. И доходил уж Тепляков до предела. Сознался после мне, что недобрые мысли были... Большое зло он на Ястреба имел. И пропасть бы им обоим, если б в те поры не увольтнил Никандра Петровича своего вестового и не взял другого. Вовсе ожесточил человека и в тоску ввел! Однако и по-

курить пора, вашескобродие.

— Этот самый Тепляков и «выправил» Никандра Петровича? — спросил я.

— А вот узнаете, вашескобродие. Заставили рассказывать, так слушайте! — ворчливо ответил Дмитрич, задетый в своем самолюбии рассказчика, привыкшего, чтоб его слушали. И вообще он, несмотря на свою горемычную жизнь и почти нищенское положение, умел сохранять свое достоинство.

Докурив свою сигарку, старик сказал:

— А хорошо на солнышке... Кости-то старые греет... Верно, и Никандра Петрович солнышку радуется. Он и не знает, что мы про него рассказываем, и, верно, забыл, что мне три зуба вышиб...

— Три?

— То-то три, и сразу. Рука у него была тяжелая...

— И наказывал вас линьками?..

— И очень даже довольно часто... За пропой казны... Ну, да бог с ним... Я зла на него не имею... Мало ли чего было... И дай ему бог на том свете покою... Потому — понял свою жестокость и людей стал жалеть... Бес-

пременно явлюсь к нему... Я и не знал, что он тут на даче...

— Кажется, тут... Ну, так рассказывайте, Дмитрич.

И старик продолжал.

— Назначили Теплякова фор-марсовым — он и раньше на фор-марсе служил — и гребцом на капитанский вельбот... Видный и пригожий из себя был Тепляков, Никандра Петрович любил, чтобы гребцы, что на его катере, что на вельботе, были здоровые, молодые и видные... По крайности лестно... И вскорости Тепляков в себя пришел... Свет божий увидал, как из вестовых вышел. А уж старался как, чтобы, значит, не могло быть капитанской шлифовки!.. Бывало, и на рее работал всю, и у орудия за комендора был... Провористый такой во всяком деле... И повеселел...

— А разве Ястреб ваш отошел?..

— По-прежнему разделявал, но только все же Теплякову не так часто попадало, а вместе со всеми, ежели, примерно, капитан прикажет всех марсовых перепороть...

— А это случалось часто?

— Небось раз в неделю обязательно... Чуть на секунд, на другой паруса закрепили позже евойного положения или марсея сменили на минуту позже, уж он заметит — сам в руках

склянку держал — и, как ученье окончит, зыкнет: «Фор-марсовых или грот-марсовых на бак!» Ну, а там известная разделка. Получи по сту. И по другим случаям попадало... И сам, бывало, смотрит, как наказывают... Вовсе легко в жестокость приходил. Потому — видит, что нет ему противности, он от этой самой жестокости и пьянеет... Никого не боится — ни бога, ни черта. Нынче вот, как препона есть, небось жестоких командиров что-то нет. Утихомирил их батюшка император Александр Второй... Суди, мол, виноватого, а жестоким не будь... Хорошо. Плавали мы таким родом шесть месяцев и кляли Ястреба... А он и ухом не вел, что матросы его не терпят... Небось понимал это... Пришли мы наконец и на Яву-остров, в Батавию... Изволите помнить, вашескобродие?.. Мы с вами и на «Коршуне» там были... Еще там арака такая пьяная... Только араку эту я и помню... какой такой город... Пришли, а капитан ту ж минуту айда в город и велел вельботу через два дня у пристани быть в десять часов утра. Он везде в портах любил съезжать и уж там, сказывали, денежкам глаза протирал... Любил форснуть,

ну и мамзелей угостить, чтобы, значит, знали, какой есть командир российского конверта... Он по этой части себя соблюдал и, бывало, ежели к себе гостей взагранице звал, то уж небось угостит и напоит.

— А сам пил?

— В плепорцию.

— И наверху никогда пьяным не бывал?

— Не видал... Так разве в каюте когда по-благородному выпьет, а чтобы наверху пьяный, этого никто не видал. Он до этого не допускал себя... Однако за пьянство с матроса не взыскивал. Только вернись в свое время, а в каком виде пьянства, до этого не касался. И старшему офицеру приказывал не взыскивать. Только чтобы пропою казенных вещей не было, а ты хоть в мертвом виде будь... На то ты и матрос... Однако вы все перебиваете, вашескобродие. На чем я остановился?.. Я и запомнил...

— Как в Батавию пришли и капитан съехал на берег, а вельботу приказал приехать за ним через два дня...

— Ну вот, тут скоро и конец будет... Уехал это Никандра Петрович, и на конверте, зна-

чит, отдышка... Рады все, что два дня без Ястреба... На третий день послали с восьми часов вельбот за ним, и вскорости после того засвежело... Здоровый ветер поднялся... Кои матросы льстились, что в такой ветер он не пойдет на вельботе, а побудет на берегу; но только я сумлевался... Отчаянность-то его понимал... и на парей с одним унтерцером пошел на стакан араки... По-моему и вышло. В одиннадцатом часу и видим: жарит он на вельботе да еще под парусами... Однако два рифа у грота взял. А ветер все сильнее... Вельбот совсем на боку... близко уж был к конверту, как в один секунд вельбот перевернуло — и все в воде... Тую ж минуту вахтенный офицер крикнул катерным на катер, и мы наваливаемся, чтобы спасти людей... А изволите знать, вашескобродие, акульев там страсть, на рейде-то... Гребу это я, а сам думаю: Ястребу крышка... Плавать он вовсе не мастер был, а волна ходила здоровая... Подошли... Кои матросы за перевернутый вельбот держатся, а Тепляков плывет и Никандру Петровича за волосы держит... Всех забрали, все только в воде искупались... Только капитан был в бесчувствии... А

Тепляков мокрый, красный и смотрит на этого самого Ястреба по-хорошему... доволен, значит, что спас человека... Пристали это мы к конверту, принесли капитана в каюту и вскорости его в чувство привели... Оттерли... А то воды он хлебнул порядочно. А я Теплякова допрашиваю: «Как, мол, ты, Антошка, и своего злодея спас?» — «Сперва не хотел, говорит. Вижу, откинуло его парусом от вельбота и тонет он, а я поближности... И как увидел он меня, то с такой, говорит, тоской посмотрел — понял, мол, что не ждать ему от меня помощи, — что в ту ю ж минуту жалость меня взяла, и я к нему... А он уж захлебнулся и под водой. Я за волосы и... тут катер подошел... и чувствую я, говорит, Андрейка, теперь легкость на душе. А не спаси я его... был бы вроде убийца...» Только что это он рассказал мне и переоделся, как зовут Теплякова к капитану... Этак минут через десять вернулся он в расстройке... «Ну, что он тебе говорил? — спрашиваю. — Благодарил?» Тепляков все в подробности и обсказал, как Никандра Петрович, увидавши его, смотрел во все глаза и спросил: «Ты... ты меня спас?» А Тепляков

ему: «Точно так, вашескобродие!» — «Ты?» — опять спросил Никандра Петрович. А Тепляков снова: «Точно так, вашескобродие!..» И после того Ястреб заплакал и сто рублей предлагал. Однако Тепляков отказался. «Я, говорит, не за деньги спасал...» — «Так проси чего хочешь», — спрашивал он. А Тепляков ему и скажи: «Дозвольте, вашескобродие, слово сказать». — «Говори». — «Пожалейте, вашескобродие, матросов!..» С тем и ушел... Видно, сам господь его умудрил ко времени сказать это самое... Не побоялся! — промолвил умиленно Дмитрич.

— Ну и что же, после этого переменялся капитан?

— Совсем другим человеком стал... Ни этого боя не было... ни шлифовки...

— И не было наказаний?..

— Как не было... были. Без взыска нельзя, но только наказывал не зря и редко... И ожесточенность прошла... Вот каким родом матросик выправил Никандру Петровича... Небось редко такие дела бывают, а все-таки бывают! Случай такой подошел... Вот только мне случая не было, вашескобродие, —

неожиданно заключил Дмитрич.

Скоро мы встали и молча побрели домой.

«Андромаха». (Примеч. автора.)

[^^^]